

2 августа 2021 года. «Россия в глобальной политике»

Михаил Горбачев: Понять перестройку, отстоять новое мышление

Прошло больше трёх с половиной десятилетий с момента начала перемен в Советском Союзе, получивших название перестройки. Но не затихают споры о том, что она значила, что принесла нашей стране и миру. Я и сам постоянно об этом думаю, ищу ответы на вопросы, которые мне задают учёные, журналисты, авторы писем из России и других стран. Люди хотят понять перестройку, а это значит, что она не стала далёким прошлым. Опыт и уроки перестройки актуальны сегодня, и не только для России.

Перестройка прошла через разные этапы, через поиски, заблуждения, ошибки, достижения. Если бы начинать сначала, то многое я сделал бы иначе. Но я убеждён в исторической правоте перестройки. А это значит, **во-первых**, что перестройка была необходима, и, **во-вторых**, что мы шли в правильном направлении.

Инициаторам перестройки предъявляют много обвинений и упреков: в «отсутствии чёткого плана», в «наивности», в «предательстве социализма». А некоторые вообще утверждают, что перестройка была не нужна. Про таких людей я могу сказать одно: у них очень короткая память. Они то ли забыли, то ли не хотят вспоминать, какова была моральная и психологическая ситуация в советском обществе к 1985 году.

Люди требовали перемен. Все — и руководители, и рядовые граждане — кожей чувствовали, что со страной творится что-то неладное. Страна всё глубже погружалась в застой. Фактически прекратился экономический рост. Идеологические догмы держали в тисках интеллектуальную, культурную жизнь. Бюрократическая машина претендовала на тотальный контроль жизни общества, но не могла обеспечить удовлетворение элементарных потребностей людей. Достаточно вспомнить, что творилось тогда в

магазинах. Быстро обострялась социальная ситуация, недовольство было всеобщим. Абсолютное большинство считало, что «так дальше жить нельзя». Эти слова родились не в моей голове — они были на устах у всех.

Нам досталось тяжёлое наследство. Мы знали, что требуются масштабные, кардинальные изменения, знали, что такие изменения всегда связаны с риском, но надо было решаться. В руководстве страны, в политбюро на этот счёт царило полное единодушие.

Было бы странно, если бы с самого начала мы имели программу предстоящих реформ, тот самый «чёткий план», отсутствие которого нам ставят в вину критики перестройки. Откуда он взялся бы после двух десятилетий застоя? Нам было ясно, что предстоит трудный поиск пути, и мы не претендовали на то, что у нас есть «расписание поездов», «график реформ». Но это не означает отсутствия ясной цели преобразований, их основного направления.

С самого начала у перестройки был один лейтмотив, красная нить, которая проходила сквозь все её этапы и определяла наши поиски. Перестройка была обращена к людям. Её целью было раскрепостить человека, сделать его хозяином своей судьбы, своей страны.

В основе унаследованной нами системы был тотальный контроль партии. После смерти Сталина созданный им режим отказался от массовых репрессий, но это не меняло его сути. Система не доверяла людям, не верила в способность народа к самостоятельному историческому творчеству. А мы, инициаторы перестройки, знали, что люди, получив свободу, проявят инициативу и энергию созидания.

Были ли мы наивны в своей вере в человека, в творческий потенциал народа? Могу засвидетельствовать: в руководстве страны, в политбюро наивных людей не было. За плечами каждого из нас был большой опыт. У нас были споры, а потом и принципиальные расхождения, но первоначальный замысел — перестройка для человека — поддержали все.

Перестройка была, таким образом, масштабным гуманистическим проектом. Это был разрыв с прошлым, когда на протяжении столетий человек был подчинён самодержавному, а затем тоталитарному государству, и это был прорыв в будущее. В этом актуальность перестройки сегодня, ибо иной стратегический выбор может лишь завести страну в тупик.

Новое мышление

Наряду с внутренними причинами перестройка была обусловлена и внешнеполитическими факторами. Положение дел в мире беспокоило меня и моих соратников не меньше, чем кризисные явления в стране. К середине 1980-х гг. мир стоял перед лицом быстро нараставшей угрозы ядерной войны. Международное сообщество оказалось в тупике, выхода из которого никто не видел. Казалось, конфронтация между Востоком и Западом будет бесконечной. С обеих сторон «железного занавеса» готовились именно к этому.

Никто, конечно, не хотел ядерной войны, но никто и не мог гарантировать, что она не начнётся — пусть даже в результате технического сбоя, ложной тревоги или иной случайности.

Отношения нашей страны со многими странами мира были напряжёнными. Затянувшийся конфликт с Китаем, конфронтация «по всем азимутам» с Соединёнными Штатами, ухудшающиеся в результате развёртывания ракет средней дальности отношения со странами Западной Европы, региональные конфликты на разных континентах, присутствие десятков тысяч наших военнослужащих в Афганистане — всё это создавало крайне неблагоприятную для наших реформ внешнюю среду, а гонка вооружений буквально высасывала соки из нашей экономики.

Милитаризация экономики была обременительной для всех стран, в том числе для США и их союзников. Но для нашей страны она обернулась особенно большими потерями и жертвами. В какие-то годы общие военные расходы достигали 25–30 процентов валового национального продукта, то

есть — в сравнении с расходами США и других стран НАТО — в пять-шесть раз больше.

Военно-промышленный комплекс поглощал колоссальные ресурсы, энергию и творческий потенциал самых квалифицированных кадров, на оборону работало до 90 процентов науки. Но сверхвооружённость не делала безопасность страны более надёжной. И люди чувствовали это, в их сознании жила постоянная тревога. Повсюду, где я бывал, они говорили мне: «Михаил Сергеевич, сделайте всё, чтобы только не было войны». Мне стало ясно: продолжение гонки вооружений — не тот путь, который приведёт нас к прочному миру.

И на внешней арене также понимали: так дальше продолжаться не может. Необходимо было — и нам, и нашим партнёрам в международном сообществе — пересмотреть подходы к внешней политике и позиции по конкретным вопросам. И мы пошли на такой пересмотр. Советский Союз сделал первые шаги к изменению основ мировой политики, мы предложили миру новое мышление, и наши шаги, пусть не сразу, нашли отклик в мире.

Новое мышление сложилось не сразу, но оно выросло не на пустом месте. Его источники — в мыслях Альберта Эйнштейна и Бертрانا Рассела, в антивоенном движении 1950-х — 1960-х гг., в «политическом покаянии» Джона Кеннеди и Никиты Хрущева, нашедших в себе мужество отступить от края пропасти во время Карибского кризиса, в концепции «общей безопасности», разработанной комиссией Улофа Пальме. Мы впервые выдвинули принципы нового мышления на государственном уровне. Считаю это заслугой перестроечного советского руководства.

Сердцевиной нового мышления стал тезис о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей во всё более целостном, взаимозависимом мире. Новое мышление не отрицает национальных, классовых, корпоративных и иных интересов. Но оно выдвигает на первый план интересы сохранения человечества, спасения его от угрозы ядерной войны и экологической катастрофы.

Мы отказались рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. Мы пересмотрели нашу концепцию безопасности и поставили задачу демилитаризации мировой политики. Из этого вытекает принцип разумной оборонной достаточности при более низких уровнях вооружений.

Обобщенно говоря, новое мышление во внешней политике, как и во внутренней политике, означало попытку думать и действовать в соответствии с нормальным человеческим здравым смыслом.

Формула власти

Я напомнил об историческом контексте перестройки и нового мышления, чтобы ещё раз раскрыть и подчеркнуть необходимость и неизбежность перемен во внутренней и внешней политике. С этого исходного пункта начиналась наша конкретная деятельность, путь от первоначальных замыслов к глубоким, в конечном счёте необратимым переменам.

Что важно иметь в виду, когда мы говорим о первом этапе перестройки?

Во-первых, в СССР радикальные преобразования могли быть начаты только сверху, руководством партии. Общество после нескольких десятилетий тотального контроля и подавления любой инициативы не было готово к самоорганизации и не могло выдвинуть лидеров, способных взять на себя ответственность за реформы.

И, **во-вторых**, на первых порах преобразования могли быть направлены только на совершенствование существующей системы и проводиться в её рамках. Резкий разрыв с существующей «формулой власти», политическим языком и традициями был невозможен. К этому было не готово подавляющее большинство общества, к этому были не готовы и сторонники перемен, в том числе те, кто впоследствии перешел на самые радикальные позиции.

Задача политической реформы сначала не ставилась. Я никогда не скрывал и сейчас не отрицаю, что рассчитывал тогда на партию — КПСС, видел в ней механизм реализации перестройки. Именно она была многие годы у рычагов управления, именно её представители имели большой административный и политический опыт и занимали ключевые позиции во всех структурах власти и общества. И поэтому роль партии, особенно на начальном этапе перестройки, была незаменимой. Один за другим проходили пленумы ЦК, все мои доклады утверждались на политбюро, причём нередко — после бурных дискуссий, которые становились всё более острыми, обнажали накопившиеся противоречия и разногласия.

В этом заключался драматизм перестройки. Миллионы членов партии, многие партийные руководители в центре и на местах были за новую политику. Но в своих поездках по стране в разговорах с людьми я убеждался, что энергия перемен разбивается о стену сопротивления партийной и управленческой номенклатуры. Люди спрашивали: «Где перестройка? Почему не решаются самые элементарные вопросы? Почему не меняется отношение руководителей к человеку, его потребностям и заботам?»

Осенью 1986 г. мы пришли к выводу о необходимости проведения пленума ЦК по вопросу о кадровой политике. Пленум состоялся в январе 1987 года. Резонанс от него был оглушительный — и в партии, и в стране, и в мире. На нём впервые говорили об ответственности КПСС и её Центрального Комитета, политбюро за стратегические просчёты, приведшие страну к социальному и политическому застою. И значительная часть номенклатуры увидела в идеях и решениях пленума угрозу для себя и встала на путь саботажа перестройки.

С 1987 г. начинается тяжёлая борьба в КПСС между реформаторским и антиреформаторским крылом. Это противоборство пронизывало буквально всё. И оно ослабляло партию и как механизм управления, и как легитимный общественно-государственный механизм. Мне и моим единомышленникам стало ясно, что если по-настоящему не вовлечь в процессы обновления самих

граждан и если не провести разделения партии и власти, то политика перестройки зайдёт в тупик. Пришло осознание необходимости политической реформы.

Оттенки гласности

Важнейшим рычагом перемен и вовлечения в них народа стала гласность. Не случайно это слово так часто упоминают рядом со словом «перестройка». Я видел в гласности моего главного помощника. И это моё мнение не изменилось, хотя критиков гласности — более чем достаточно. Среди них и неожиданные фигуры, например, Александр Солженицын. Всё погубила горбачёвская гласность, сказал однажды великий писатель. И это тот же человек, который писал: «Честная и полная гласность — вот первое условие здоровья всякого общества». Я спросил его: а где был бы сам Солженицын, если бы не гласность? Без гласности ничего бы не состоялось — никаких перемен, никакой перестройки. Всё застряло бы болоте отжившей идеологии и ведомственной бюрократии.

Старинное русское слово «гласность» вобрало в себя много смыслов. Это и открытость общества, и свобода слова, и подотчётность власти людям. И не случайно его оказалось невозможно перевести на другие языки.

Гласность начиналась, как и всё остальное в перестройке, сверху. И многие поначалу видели в ней лишь очередную форму пропаганды, разъяснения людям политического курса партии. Но я видел задачу совсем в другом. Для советского руководства эпохи перестройки гласность означала — начать говорить правду своему народу о состоянии страны и об окружающем мире. Гласность — это обратная связь с народом, который получил возможность говорить, что думает, в том числе, всё чаще, неприятные начальству вещи.

Гласность — это право людей знать, сведение к разумному минимуму «закрытой информации» и тайны. Ведь как было прежде? Вся статистика находилась под колпаком цензуры. Данные по экономике, социальным

вопросам, демографии публиковались исключительно по специальному постановлению ЦК, с большими изъятиями и подчистками. Сведения о преступности, экологические и медицинские показатели хранились за семью печатями. Военный бюджет в его реальных измерениях был тайной. Не только граждане, но и руководство не имело реальной картины многих сторон жизни. С этим было покончено.

Довольно быстро гласность переросла в реальную свободу слова, свободу печати. Люди получили возможность прочесть десятки произведений русских и советских писателей, прежде не публиковавшихся или исковерканных цензурой. Среди них — «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, открывший миллионам граждан правду о преступлениях сталинизма.

Гласность позволила обсуждать любые темы. Без неё люди не заговорили бы во весь голос о правах человека, реальной свободе совести, экономической свободе, рынке. Но верно и то, что у гласности была также обратная сторона. Свобода — это всегда риск, и свобода слова — не исключение.

Никто не получил от гласности больше, чем наша интеллигенция. Она в полной мере воспользовалась возможностями свободно говорить и писать. Интеллигенция буквально ринулась осваивать новые идеи, развивать их, обосновывать необходимость глубоких перемен. Но правда и то, что в условиях свободы быстро проявилась неготовность многих представителей интеллигенции, особенно «статусных», к разумным и постепенным изменениям, непонимание ими того простого факта, что свобода неотделима от ответственности.

Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта. Её представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему.

А по мере нарастания трудностей поведение многих из них становилось всё более разрушительным и безответственным.

Но всё это не отменяет исторического значения гласности, её актуальности сегодня. Перестройка подтвердила, что нормальное развитие общества исключает всеобщую секретность, тайну как метод государственного управления. Оно предполагает открытость, свободу информации, свободу выражения гражданами своих политических, религиозных и иных взглядов и убеждений, свободу критики в полном её объеме.

Не трогать цены!

Критики перестройки делают особый упор на наши неудачи в сфере реформирования экономики и именно в этом видят едва ли не главную причину того, что нам не удалось реализовать свои замыслы. Нельзя сказать, что для таких упреков нет оснований. Но я отвечаю им: как же легко критиковать и как же трудно действовать в боевых условиях жёсткой, буквально железобетонной системы, складывавшейся десятилетиями.

Мы прекрасно понимали, что экономика «реального социализма», как было принято называть нашу систему при Брежнев, деградирует, страна неотвратимо втягивается в кризис. К началу 1980-х гг. экономический рост прекратился, а с ним замер и так довольно низкий жизненный уровень. По показателям реальных доходов населения СССР оказался далеко позади развитых стран Запада. В расстройство приходили финансы. Экономика становилась всё более разбалансированной и дефицитной. Не хватало не только продовольственных и промышленных товаров, но и металла, топлива, всего, что мы производили в огромных количествах.

Мы стремились выяснить причины нарастания кризисных явлений в народном хозяйстве, определить пути оздоровления ситуации. Учёные считали основной причиной отставания то, что мы проглядели новый этап научно-технической революции, в то время как Запад провёл структурную

перестройку экономики на новой технологической основе. Но и экономисты, и хозяйственные руководители, признавая необходимость перемен, не выходили за рамки «более полного использования возможностей социализма».

Надо учитывать и то, что люди хотели, чтобы поскорее улучшилась ситуация с жильём, продовольствием, товарами широкого потребления. Нам казалось: вот подправим дела, вытянем на прежних подходах, а там возьмёмся за глубокие реформы. И действительно, в 1985–1986 гг. экономическая ситуация в стране несколько улучшилась. Промышленное производство приросло на 4,4 процента, сельское хозяйство — на 3. За два года в сферы образования и здравоохранения, в повышение зарплат и пенсий было вложено на 40 миллиардов рублей больше, чем было намечено по пятилетнему плану. Но, добавив людям денег, мы одновременно усилили давление на рынок, возник разрыв между товарами и денежной массой. И как раз в этот момент цены на нефть упали до 12 долларов за баррель. Мы потеряли две трети прежней выручки от её экспорта.

Теперь очевидно, что именно тогда необходимо было пойти на решительные меры по урезанию военных и других государственных расходов, снять напряжение на рынке за счёт импорта товаров и тем самым подготовить условия для перехода к радикальной экономической реформе. Как первый шаг к ней — провести реформу цен, которые по многим товарам давно уже не отражали издержек производства.

Меры болезненные, но необходимые. Но против них выступило руководство правительства. Его председатель Николай Рыжков стоял на том, что «нельзя ничего разрушать». Есть план, есть бюджет, и их нельзя трогать. И эта точка зрения нашла поддержку в политбюро.

Вспоминаю острые дискуссии по проблеме ценообразования. Пленум ЦК КПСС в июне 1987 г. поручил правительству разработать предложения по этому вопросу, но там не спешили, да, видимо, и боялись всерьёз взяться за крайне острую проблему. А тем временем слухи о «покушении на

стабильные цены» просачивались в общество, порождали растущую тревогу. В конце концов тема эта была осёдлана популистами, стала полем политической борьбы.

«Не трогать цены!» — под таким девизом зарождалась оппозиция. Эту сторону заняли и почти все ведущие учёные-экономисты, в том числе те, кто принимал участие в разработке концепции реформ. Критиков не смущало то обстоятельство, что этим перекрывалась дорога экономическим реформам и что им самим не уйти от такой меры, приди они к власти. Думаю, им втайне сочувствовала и экономическая бюрократия, тормозившая реформы.

Думаю, если бы я тогда занял твёрдую позицию, дело могло повернуться иначе. Надо было обратиться к народу, сказать правду. И люди поняли бы нас. А позволив неоправданно растянуть сроки структурных преобразований, мы упустили самый благоприятный для них в экономическом и политическом отношении момент — 1987–1988 годы. Это был стратегический просчёт. Тогда мы не знали и не могли знать, что история отвела нам мало времени. Радикальные экономические реформы, переход к рыночной экономике требовали целого переворота в сознании и руководителей, и рядовых граждан. Те, кто пришёл после нас, думали, что у них всё получится за два, максимум три года. Отсюда их вера в «шоковую терапию» и отсюда же — её разрушительные последствия. И это тоже надо иметь в виду, оценивая просчёты в экономической политике периода перестройки.

Мир миров

Тяжёлое наследие досталось перестройке и в сфере национальной политики и федеральных отношений. И я не могу сказать, что я и мои коллеги, начинавшие перестройку, видели всю проблему в её полном объеме.

Сейчас, конечно, совершенно очевидно, что сохранение и обновление страны, которая представляла собой «мир миров», конгломерат народов, в которой волей исторических судеб оказались вместе такие разные

республики, как, скажем, Эстония и Туркменистан, объективно представляло собой задачу колоссальной сложности. В годы перестройки вырвалось наружу всё то, что копилось в этой сфере на протяжении веков и десятилетий. Не думаю, что кто-либо был к этому готов.

Исторически Советский Союз наследовал Российской Империи. Была ли она «тюрьмой народов»? Если согласиться с этим, то первым среди узников следует назвать русский народ. И в годы сталинского режима он вынес не меньшие лишения и страдания, чем другие народы Советского Союза.

Всё это было. Но было и другое: опыт совместного существования и созидания и возможность сохранить в новых формах лучшее из этого опыта.

Почему такая возможность не реализовалась?

Президент Российской Федерации Владимир Путин в своих высказываниях не раз возлагал главную ответственность за распад Советского Союза на ленинскую концепцию федерации и содержащийся в ней принцип суверенитета советских республик и возможность самоопределения вплоть до отделения. Но возникает вопрос: в этом ли причина? Мы знаем, что распались многие империи и государства, конституции которых не предусматривали такой возможности.

Думаю, причины надо искать в другом.

При Сталине многонациональное государство стало закручиваться в жёсткую сверхцентрализованную унитарную систему. Центр всё решал и всё контролировал. К тому же Сталин и его соратники произвольно кроили границы, как будто с расчётом на то, чтобы никто не мог и помыслить себя вне Союза. Национальные проблемы загонялись вглубь, но они никуда не делись. За фасадом «расцвета и сближения советских народов» скрывались острые проблемы, решения которых никто не искал. Сталин рассматривал любые национальные претензии и межнациональные споры как антисоветские по своей природе и подавлял их, не тратя времени на увещевания.

Было неизбежно, что в условиях демократизации и большей свободы всё это вырвется на поверхность. Надо признать, что мы поначалу недооценили масштабы и остроту проблемы. Но когда она возникла, мы не могли действовать прежними методами подавления и запретов. Мы считали, что надо идти по другому пути, искать продуманные и взвешенные подходы, действовать методами убеждения.

Из этого мы исходили, когда в начале 1988 г. обострилась проблема Нагорного Карабаха. Корни конфликта — давние, простого решения он не имел тогда и не имеет сейчас, хотя меня пытались убедить, что оно может быть достигнуто путём перекройки границ. В руководстве страны было единое мнение: это недопустимо. Я считал, что достижение договорённости о статусе Нагорного Карабаха — дело армян и азербайджанцев, а роль союзного центра — помочь им в нормализации обстановки, в частности в решении экономических проблем. Уверен, что это была правильная линия.

Но ни партийные структуры, ни интеллигенция двух республик не сумели найти путь к согласию или хотя бы к диалогу. И их оттеснили на задний план экстремисты. События нарастали как снежный ком. В конце февраля 1988 г. в городе Сумгаит пролилась кровь. Чтобы остановить резню, пришлось задействовать войска.

В этот период, в 1987–1988 гг., я стремился выработать единый демократический подход к межнациональным спорам. Суть его заключалась в том, что национальные проблемы могут быть по-настоящему решены только в общем контексте политической и экономической реформы. И надо сказать, что первоначально национальные движения в балтийских республиках, Молдавии, Грузии, Украине выступали под лозунгами поддержки перестройки. Вопрос о выходе из Союза в 1987 г. не ставил почти никто.

Но очень быстро в национальных движениях стали брать верх сепаратистские тенденции. А партийные лидеры в республиках не умели работать в условиях демократии. Они растерялись. Это проявилось в Грузии,

когда в апреле 1989 г. люди вышли на улицы и площади Тбилиси. Членам ЦК грузинской компартии надо было также выйти к народу, а они предпочли сидеть в бункере. И дошло до беды: была применена сила для «очистки» площади от демонстрантов, погиб 21 человек, десятки получили ранения.

Об этом тяжело вспоминать. Но я могу с чистой совестью сказать: решение о разгоне митинга в Тбилиси было принято за моей спиной, вопреки моей воле. Тогда и впоследствии я твёрдо придерживался своего кредо: самые сложные проблемы надо решать политическими средствами, без применения силы, без крови.

Женева, Рейкьявик и ядерный мир

К концу 1988 г. нам удалось решить большую часть проблем, связанных с прекращением холодной войны и гонки ядерных вооружений, выйти на новый уровень отношений со странами Западной Европы, подготовить почву для нормализации отношений с Китайской Народной Республикой. Далось это нелегко, потребовались огромные усилия руководства страны, дипломатов, военных, экспертов.

Хочу подчеркнуть: я не принимал единоличных решений. Директивы для переговоров с нашими партнёрами вырабатывались в сложном взаимодействии, в котором участвовали представители всех заинтересованных ведомств. Это был непростой процесс, возникали споры, разногласия. Спорные проблемы и альтернативные варианты их решения обсуждались на политбюро, и мы приходили к единой позиции, которую я отстаивал на переговорах.

Начинать надо было с отношений с Соединёнными Штатами. Потому что поворот в международной ситуации был невозможен без улучшения отношений между двумя ядерными сверхдержавами. Наша первая встреча с президентом США Рональдом Рейганом в Женеве в ноябре 1985 г. сломала лед, нараставший годами. И это несмотря на то, что после первой нашей беседы наедине в разговоре с членами советской делегации я назвал Рейгана

не просто консерватором, а «настоящим динозавром». А Рейган, как мы узнали позже, сказал, что «Горбачёв — твердолобый большевик». Но сработали два фактора: ответственность и интуиция. Чутьё подсказало нам, что нужно не идти на разрыв, а продолжать диалог.

Главные результаты женевского саммита хорошо известны. Но о них стоит напомнить. Мы подписали заявление, в котором говорилось: «Руководители СССР и США констатируют, что ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей». И далее: «Стороны не будут стремиться к военному превосходству». Мы также договорились о расширении обменов между нашими странами, контактов между людьми, молодёжью, возобновлении воздушного сообщения.

В наших речах на церемонии завершения саммита прозвучала новая тональность, которой давно уже не было в лексиконе государственных деятелей СССР и США. Это был первый шаг на пути к доверию — трудном, но необходимом пути.

Но в 1986 г. стало ясно: инерция холодной войны и рутина традиционной дипломатии грозят сорвать движение к договорённостям. Попытки военных кораблей США войти в наши территориальные воды, шпионские скандалы, бесконечное «повторение пройденного» на переговорах по разоружению — всё это убедило меня в том, что вновь своё веское слово должны сказать лидеры. Я предложил президенту Рейгану встретиться «на полпути» и обсудить шаги, способные сдвинуть дело с мёртвой точки. Так родилась идея Рейкьявика.

Президент ответил позитивно. Правда, он не привез в Рейкьявик новых идей. Тем не менее по проблемам ракет средней дальности и стратегических наступательных вооружений в Рейкьявике был достигнут существенный прогресс — прежде всего благодаря предложениям советской стороны. Разрабатывая их, мы были готовы пойти навстречу нашим партнёрам по вопросам, вызывавшим у них озабоченность — например, по тяжёлым ракетам и контролю, чтобы стимулировать конструктивный отклик с их

стороны. Но мы исходили из простой посылки: прекращая гонку вооружений на Земле, недопустимо переносить её в космос.

И здесь, как говорится, нашла коса на камень: президент Рейган хотел не просто активизировать программу Стратегической оборонной инициативы, но и получить от нас добро на испытания систем ПРО в космосе. На это я пойти не мог.

Тем не менее прогресс, достигнутый по ряду важных вопросов, и согласие лидеров СССР и США о том, что окончательной целью переговоров является избавление мира от ядерного оружия, позволили мне сразу после окончания саммита заявить: Рейкьявик — это не провал, а прорыв, новое слово в переговорах о ядерном оружии.

На многих у нас в стране, в Соединённых Штатах, в Европе это произвело шоковое впечатление. Маргарет Тэтчер, связывавшая безопасность Великобритании и Европы с ядерным оружием, обмолвилась: «Второго Рейкьявика мы не выдержим». На протяжении 1987 г. было множество попыток торпедировать переговоры о ракетах средней дальности, судьба первого договора о ликвидации двух классов ядерного оружия не висела на волоске, но импульс Рейкьявика оказался мощным: в декабре 1987 г. договор был подписан.

У этого договора было немало критиков, в том числе в нашей стране. Меня ругали за то, что в итоге СССР сократил больше ракет и боезарядов, чем США. Но дело в том, что само появление наших ракет СС-20 в Европе было результатом стратегического просчёта прежнего руководства, их присутствие отравляло наши отношения со странами Европы, а количество их было ничем не обосновано. А развёрнутые в ответ на это американские ракеты были для нас как пистолет у виска: их дальность позволяла им поражать важнейшие цели и центры принятия решений на территории СССР. Так что с качественной точки зрения взаимный отказ от ракет средней дальности был нам выгоден.

Отмечу ещё один важнейший для оценки этого договора момент. Он положил начало процессу резкого сокращения практически всех категорий ядерного оружия, особенно в Европе. С 1987-го по 1991 г. количество американских ядерных боезарядов в Европе уменьшилось в несколько раз. Соединённые Штаты вывели из Европы всю ядерную артиллерию, ракеты «земля – воздух», отказались от размещения новых ракет «Лэнс-2». Вот что происходит, когда лидеры находят в себе смелость проявить реализм и пересмотреть устаревшие концепции безопасности.

Мы по достоинству оценили и то, что президент Рональд Рейган не пошёл на поводу у тех, кто убеждал его под тем или иным предлогом отказаться от его собственного предложения о «нулевом варианте» по ракетам средней дальности и сорвать заключение договора. Позиция президента США позволяла говорить о возникновении взаимного доверия. В этих условиях мы принимали решения, позволившие снять напряжение во многих регионах мира, выйти на урегулирование конфликтов, которые на протяжении многих лет казались неразрешимыми.

Тогда же мы исправили ещё одну ошибку, дорого обошедшуюся нашей стране и нашему народу — вывели советские войска из Афганистана. Вывод наших войск не был бегством, он позволил создать условия для начала процесса внутреннего урегулирования в этой стране. Мы предлагали, чтобы великие державы и соседи содействовали национальному примирению в Афганистане. Не наша вина, что этого не произошло. Результатом стало продолжение гражданского конфликта, превращение Афганистана в очаг терроризма, страшное эхо, прогремевшее 11 сентября 2001 года. Наследие холодной войны до сих пор даёт себя знать не только в этом регионе.

Тем не менее первые итоги реализации политики нового мышления позволили нам сделать важные выводы, с которыми я вышел на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 года.

Мир, в котором мы живём сегодня, сказал я, коренным образом отличается от того, каким он был в начале или даже в середине XX века:

«Новые реальности меняют всю мировую ситуацию. Ослабляются или смещаются унаследованные от прошлого различия и противоположности. Но появляются новые. Утрачивают значение некоторые прежние разногласия и споры. Их место занимают конфликты нового рода. Жизнь заставляет отбрасывать привычные стереотипы, устаревшие взгляды, освобождаться от иллюзий. Меняется само представление о характере и критериях прогресса».

В ООН я говорил о необходимости демилитаризации и демократизации международных отношений. Это положение органически вытекало из того, что мы делали тогда в Советском Союзе. Я подробно рассказал о задачах и планах перестройки. Встав на путь демократии, утверждения правового государства и прав человека, сокращения вооружений, мы имели полное право предложить всемирной организации критерии и подходы, основанные на общечеловеческих ценностях.

Мы вступили в эпоху, сказал я, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес. И далее: «Наш идеал — мировое сообщество правовых государств, которые и свою внешнеполитическую деятельность подчиняют праву».

Ещё раз скажу: мы не были наивны. Мы прекрасно понимали тогда, что путь к осуществлению этого идеала будет долгим и непростым. Но у себя дома и на международной арене мы сделали твёрдый выбор, решительно двинулись вперёд в этом направлении.

В тот же день, когда я выступил в ООН, я встречался в Нью-Йорке с президентом США Рональдом Рейганом и избранным президентом Джорджем Бушем. Мы смогли констатировать впечатляющие результаты, достигнутые в отношениях двух ядерных держав менее чем за три года наших совместных усилий. Я горжусь тем, что мы смогли сделать вместе, сказал Рональд Рейган. В свою очередь Джордж Буш заявил, что рассчитывает на продолжение совместной работы. В ответ я сказал, что это полностью отвечает нашим намерениям.

Я откровенно рассказал своим собеседниками о процессах, происходящих в нашей стране, о достижениях, проблемах и планах. Мы вступаем сейчас в, может быть, самый сложный этап перестройки, предстоят фундаментальные, трудные изменения. Приходится менять психологию каждого человека — от члена политбюро до рабочего у своего станка. В таком трудном деле могут случаться и временные откаты назад — ведь это многогранный процесс, сопряженный с борьбой, но процесс необратимый. Но могу сказать с уверенностью: Советский Союз бесповоротно встал на путь глубоких перемен.

Хочу, чтобы вы знали, ответил президент Рейган: мы действительно вас поддерживаем в этом трудном начинании.

Начинался 1989 год. Он принёс много неожиданностей, трудностей, сложнейших дилемм. Но при всём этом он стал годом, когда стала реальностью необратимость перемен, начавшихся в стране и в мире благодаря импульсам перестройки и нового мышления.

Разбудить общество

Смысл политической реформы, принципиальное решение о которой приняла XIX партийная конференция в июне 1988 г., заключался в том, чтобы передать власть от монополюльно владевшей ею партии в руки органов, избранных народом. Я и мои единомышленники понимали, что бюрократия встретит такую реформу в штыки. У неё было достаточно рычагов, чтобы замедлить и выхолостить политические преобразования.

Две трети делегатов на Съезд народных депутатов, собравшийся в мае 1989 г., избирались путём прямых альтернативных выборов. Во многих округах было 10–12 и более кандидатов. Одна треть — в качестве разовой, первоначальной меры — избиралась общественными организациями. Нас критиковали за такой формат, но я до сих пор считаю, что критиковали несправедливо. Именно он позволил избежать открытого «бунта на корабле», ослабить сопротивление верхушечного слоя и одновременно вовлечь в

преобразования новых людей, которые в ином случае имели бы мало шансов попасть на съезд.

Ход избирательной компании показал, что мы оказались в совершенно новой, беспрецедентной обстановке. Дискуссии, в том числе в средствах массовой информации, были небывалыми по своей откровенности и остроте. Наружу выплыло много и горького, и ранее неизвестного. У некоторых членов руководства всё это вызвало раздражение и тревогу.

Парадокс заключался в том, что среди депутатов оказалось 85 процентов членов КПСС (в старом Верховном Совете, депутаты которого фактически не избирались, а отбирались, их была примерно половина), но руководящий слой воспринял итоги выборов как поражение партии. На заседании политбюро, собравшемся после выборов, царило подавленное настроение. Я, в отличие от многих коллег, оценил выборы как важнейший шаг в осуществлении политической реформы.

Мы смогли разбудить общество, сделать то, чего добивались все предшествующие годы перестройки — включить народ в политику. Свободные выборы открыли много новых, интересных людей, прояснили позиции социальных слоев, о которых, как обнаружилось, у нас было весьма приблизительное, а порой и искажённое представление, сложившееся под давлением политической догматики.

Мы не имеем права, сказал я на заседании политбюро, отвергать критику, которая в ходе избирательной кампании раздавалась по адресу партии, в том числе руководства. 35 крупных партийных функционеров провалились на выборах. Если КПСС хочет быть в авангарде перестройки, сказал я, она должна меняться.

Последующие события показали, что партия оказалась неспособна выполнить эту роль, она не выдержала испытания демократией, свободой, гласностью. Должен признаться, что я тяжело переживал то, что партия всё более превращается в тормоз, в препятствие на пути перестройки. Но как генеральный секретарь партии считал невозможным и опасным бросить её,

что превратило бы руководство и значительную часть партийной массы в открытых противников перестройки. В этом заключалась сложность моего положения на этапе начала политических преобразований.

Съезд народных депутатов избрал новый, вполне дееспособный Верховный Совет СССР, заложил основу новой, демократической политической системы. Казалось бы, тогда сложились предпосылки для того, чтобы по-настоящему крупно двинуть вперед перестройку, переломить негативные тенденции в экономике и национальных отношениях. Почему же этого не получилось? Думаю, причина в том, что дезинтеграционные процессы опережали формирование новых институтов власти и управления. Одновременно набирала силы радикальная оппозиция. Само по себе появление оппозиции было закономерно и необходимо. Но своими популистскими лозунгами, борьбой против союзного центра и политического централизма, поддержкой сепаратизма радикалы подрывали фундамент власти и практически смыкались по деструктивности с реакционной, консервативной оппозицией.

Эти две крайности привели к тому, что переход к демократии в нашей стране оказался драматичным и болезненным. И это предопределило многие трудности и проблемы, с которыми мы сталкиваемся до сих пор.

Тем не менее опыт функционирования демократически избранных органов власти имеет и сегодня огромное, я бы сказал — неопределимое значение. Верховный Совет принял законы, устанавливающие отношения между гражданином и государством, реально обеспечивающие политические свободы и гражданские права. Это, в частности, законы о печати и других средствах массовой информации, об общественных объединениях граждан, о правах профсоюзов, о свободе совести и религиозных организациях, о местном самоуправлении, о въезде и выезде из страны. Это было законотворчество, сравнимое по своему значению с такой вехой в истории России, как реформы Александра II во второй половине XIX века. У наших

реформ, как и у тех, оказалась трудная судьба, но я и сегодня убежден в их непреходящем значении и исторической роли.

Объединённая Германия и великодушные русского народа

События 1989–1990 гг. были беспрецедентными по напряжению борьбы, по одновременности изменений внутри страны и на внешней арене, необходимости принимать трудные решения в условиях жесточайшего цейтнота. В истории трудно найти аналоги такого резкого, драматического ускорения её хода. В этих условиях возникала опасность поражения перестройки, прихода к власти сил, намеренных и способных ликвидировать её демократические завоевания. Недопущение такого отката назад стало для меня важнейшей задачей, потребовало тактического маневрирования, шагов по удержанию баланса, которые не всегда встречали понимание, в том числе у моих сторонников.

В партии и особенно в её руководстве обозначилась консервативная группа, неформальным лидером которой стал Егор Лигачёв. Это незаурядный человек, честный и искренне переживавший за страну. Он был сторонником перемен, активно поддержал меня на первом их этапе. Но чем дальше, тем больше сказывалась его приверженность «фундаментальным основам» того социализма, которые мы унаследовали и который был несовместим с демократией. Это проявилось в его фактической поддержке статьи Нины Андреевой, опубликованной 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия». Поддержка рядом членов политбюро этого по своей сути сталинистского, антиперестроечного манифеста обнажила дифференциацию в партийном руководстве.

Я считал, что нельзя допустить, чтобы эта дифференциация переросла в раскол. Тогда это удалось. И что особенно важно: удалось сохранить единство в отношении нашей внешней политики в момент, когда происходил крутой перелом в мировой политике, когда одновременно с окончанием

холодной войны заявили о своих устремлениях народы стран Центральной и Восточной Европы и произошло объединение Германии.

Безусловно, импульс этим процессам дали перемены в нашей стране. Дав народу нашей страны демократические права и свободы, мы не могли препятствовать устремлениям народов соседних стран, наших союзников. С самого начала руководителям этих стран было сказано: мы не будем вмешиваться в ваши дела, вы отвечаете перед своими народами. И когда ветер перемен охватил эти страны, мы доказали: наши слова о свободе выбора — а это был один из главных тезисов моей речи в ООН — не были пустой риторикой. Мы подтвердили их делами, своей политической позицией. И одним из важнейших результатов этого стало воссоединение Германии.

Очень важно, что к моменту, когда процесс объединения пошёл нарастающими темпами, фактически прекратилась холодная война. В декабре 1989 г. на Мальте мы с президентом США Джорджем Бушем заявили, что наши страны больше не считают друг друга врагами. Тогда же президент Соединённых Штатов заявил, что будет реагировать на события в Центральной Европе осмотрительно и ответственно, что он не будет «прыгать на [берлинскую] стену».

Тем не менее путь к германскому единству не был простым. Он и не мог быть гладким. Обстановка была напряжённой, любой неосторожный шаг мог привести к взрыву. В Европе, и в том числе в нашей стране, были сомнения, тревога. Её выражали крупные политики, лидеры государств. Выражали публично и ещё больше — в доверительных беседах. В этих условиях принципиальное значение имело то, какую позицию займёт Советский Союз.

Скажу откровенно: для сомнений и тревоги были основания. Память об опустошительной войне, развязанной гитлеровским режимом, не стёрлась в сознании людей. Наша страна, советский народ, русский народ понесли в той войне небывалые потери. Война опалила миллионы семей.

Когда история ускорила свой ход, когда немцы на востоке и на западе заявили — мы один народ, от политических лидеров потребовалась мудрость, выдержка, глубина мышления и видение перспективы. Это был экзамен. И вместе мы выдержали его. Несмотря на трудности, препятствия и риски, которые ждали нас буквально на каждом шагу, мы смогли сделать важнейшее историческое дело. Были подписаны документы, заложившие основы безопасности в Европе в новых условиях.

Принимая трудные решения в водовороте тех событий, я опирался на определённые принципы. Я исходил из того, что попытки воспрепятствовать объединению Германии силой означали бы крах всех усилий по прекращению холодной войны, нанесли бы непоправимый удар по всей политике перестройки, надолго отравили бы отношения между нашими народами.

Но прежде всего я опирался на волю и великодушие нашего народа. Русские проявили понимание чаяний немцев, пошли им навстречу. В этом я убедился по реакции граждан нашей страны на моё выступление в Кремле в мае 1990 г., в котором я разъяснял нашу политику в отношении Германии.

Сегодня мы можем констатировать, что принятые тогда решения оказались правильными. Германия, немцы выполнили обязательства, которые они дали в процессе объединения. Это, в частности, касается масштабного сокращения вооружённых сил объединённой Германии и выполнения Большого договора между СССР и ФРГ, подписанного 9 ноября 1990 года. Несмотря на осложнение отношений между Россией и ФРГ в последние годы, я уверен, что их основы прочны, а их потенциал огромен.

Ирак — Кувейт и советско-американские отношения

В конце лета 1990 г. на Ближнем Востоке разразился кризис, подвергший ещё одному испытанию новое политическое мышление и новые отношения между государствами после окончания холодной войны.

В период холодной войны кризис, возникший в результате нападения Ирака на Кувейт, мог бы привести к опаснейшему противостоянию между соперничающими блоками, между СССР и США. Авантюра иракского лидера Саддама Хусейна ставила нас перед серьёзными проблемами, прежде всего в силу сложившихся за многие годы отношений между СССР и Ираком. Советский Союз был связан с Ираком Договором о дружбе и сотрудничестве. В Ираке в различной роли — военных советников, технических специалистов и так далее — находились тысячи наших людей. Наконец, с Ираком были связаны крупные, можно сказать, миллиардные экономические интересы, что было особенно чувствительно, учитывая наше трудное экономическое положение.

Тем не менее с самого начала, без промедлений и колебаний, я осудил агрессию, выступил за совместные действия с целью её прекращения и восстановления суверенитета Кувейта. При этом мы заняли твёрдую позицию: необходимо добиться этой цели, используя не военные, а политические средства. В целом эту линию удалось выдержать. И хотя президент США не удержался от применения силы, чтобы вытеснить иракские войска из Кувейта, в итоге мы могли констатировать ряд позитивных моментов.

Суверенитет и само существование Кувейта были восстановлены. Саддаму Хусейну не удалось расколоть мировое сообщество, заставить его смириться с агрессией. Резолюции Совета Безопасности ООН были выполнены. При этом войска США не перешли границу Ирака, не произошло оккупации страны и «смены режима».

Наша страна сыграла ключевую роль в формировании единой реакции мирового сообщества на агрессию и в её пресечении, способствовала консолидации роли Организации Объединённых Наций. Мы сумели пронести новые советско-американские отношения через перипетии острейшего конфликта — ещё одного испытания по окончании холодной

войны. Была достигнута договорённость о проведении в Мадриде международной конференции по ближневосточному урегулированию.

Борьба за Союз

Меня нередко критикуют за то, что, уделяя первостепенное внимание международным проблемам, их решению на основе нового мышления, я якобы недооценил остроту внутренних проблем Советского Союза, упустил возможности для их решения. В ответ могу сказать одно: львиную долю времени, внимания, сил в эти годы — особенно в 1991 г. — я отдавал внутренним делам и прежде всего усилиям по сохранению и спасению единого союзного государства. Что подвело нас к кризису 1991 года? Почему события приобрели такую остроту? Причины этого — как объективные, накопившиеся за годы и десятилетия существования советского государства, так и субъективные, связанные с ошибками и упущениями перестроечных лет.

Проблемы межнациональных и федеральных отношений и экономические проблемы сплелись в тугой узел, развязать которые можно было лишь на пути решительной модернизации этих отношений и радикальной экономической реформы. Мы это осознали с опозданием, но мы не бездействовали.

Обращаясь к гражданам страны накануне 1991 г., я сказал: «Будущий год особый. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства. Народы страны жили вместе столетиями. Мы сейчас, может быть, как никогда остро чувствуем, что нельзя нам жить, отгородясь друг от друга. Да и выйти из кризиса, подняться на ноги, твёрдо пойти по дороге обновления мы сможем только сообща».

Я был убеждён, что проблему сохранения и реформирования Союза можно решить политическим путём, без применения силы, без кровопролития. Но уже в первой половине января разразилась гроза. Кровь пролилась в Литве. Пришедшее к власти в результате выборов руководство

Литвы во главе с Витаутасом Ландсбергисом пошло по пути обострения отношений с Союзным центром, решило добиваться независимости любой ценой. Я, тем не менее, предлагал компромисс, был готов к переговорам. 12 января 1991 г. я сделал заявление, что кризис будет разрешён конституционными средствами. Но в ночь с 12 на 13 января в Вильнюсе был осуществлён захват телевизионной башни и радиостанции с участием советских войск, приведший к гибели людей.

Разумеется, президент СССР не отдавал и не мог отдать приказ о подобных действиях. Произошедшее было провокацией против меня как президента — со временем, особенно после августовского путча, это стало совершенно ясно. Есть и документы, подтверждающие это.

После кровопролития 13 января все усилия предотвратить выход Литвы, да и других прибалтийских республик из состава Союза оказались тщетными. Но борьба за Союз продолжалась. Я был уверен, что вопросы, касающиеся судьбы союзного государства, судьбы нашего народа, невозможно решать без его участия. И я был убеждён, что люди в массе своей выскажутся на референдуме за сохранение Союза и его преобразование в полнокровную федерацию.

17 марта предложенный мной референдум состоялся. 76 процентов населения страны, 71,34 процента населения России сказали «да» Союзу. Столь же впечатляющи были результаты референдума на Украине и в Белоруссии. Президент России Борис Ельцин, ставший к тому времени лидером радикальной оппозиции, и его окружение вынуждены были считаться с его итогами. Думаю, без этого голосования не могло бы быть встреч президента СССР и руководителей девяти республик, в том числе России, Украины, Белоруссии и Казахстана, в Ново-Огарёве. В рамках этих встреч удалось разрядить обстановку в стране и форсировать подготовку проекта Союзного договора.

Мне и моим единомышленникам в руководстве страны пришлось одновременно бороться и с попытками сепаратистов и «радикал-демократов»

расчленил Союз, и с действиями тех, кто хотел свернуть демократический процесс и отбросить страну в прошлое.

На апрельском Пленуме дело дошло до требований смены руководства. Партийная верхушка свой бунт стремилась подкрепить снизу. Стали формироваться группировки, объявлявшие своей целью «борьбу с ревизионизмом», «восстановление диктатуры пролетариата». Ко мне на стол ложились десятки и сотни депеш от парткомов разного уровня, в ультимативной форме ставивших вопрос о необходимости принятия неотложных мер для спасения социалистического строя, вплоть до введения чрезвычайного положения в стране. 22 апреля при обсуждении доклада Кабинета министров о выходе из кризиса экономики некоторые депутаты, с подачи тогдашнего премьер-министра Валентина Павлова и при сочувствии председателя Верховного Совета Анатолия Лукьянова, начали муссировать тему введения чрезвычайного положения в стране или в решающих секторах экономики. Мне пришлось вмешиваться и возвращать парламент в русло нормальной работы, давая отпор ярим консерваторам.

В руководстве страны, в том числе в моём ближайшем окружении, были как мои единомышленники, так и люди двуличные, рассуждавшие о своей приверженности демократии, а на деле готовые к предательству – и демократии, и меня лично. Не отрицаю право любого члена руководства иметь своё мнение и отстаивать его. Но у них были для этого все возможности, они могли делать это в открытой полемике, в открытом политическом бою. Вместо этого они избрали путь закулисного сговора и в конечном счёте — государственного переворота. Выдвижение некоторых из них — в частности, Геннадия Янаева на пост вице-президента — было с моей стороны грубым просчётом. Но тогда далеко не всё было очевидно.

Мой выбор оставался твёрдым: не сворачивать с демократического пути, отвергать «чрезвычайщину», добиваться объединения всех здоровых сил общества в интересах реформ. И когда на апрельском пленуме ЦК представители партноменклатуры поставили вопрос ребром – пусть Горбачёв

либо вводит чрезвычайное положение, либо уходит с поста генерального секретаря ЦК, я сказал:

— Хватит демагогии, ухожу в отставку.

Меня стали уговаривать взять своё заявление обратно. Я отказался и ушёл в свой кабинет.

Спустя полтора часа по предложению политбюро подавляющим большинством голосов (только 13 человек проголосовало против при 14 воздержавшихся) пленум решил снять с рассмотрения выдвинутое мной предложение об отставке с поста генерального секретаря ЦК КПСС. После этого обстановка несколько разрядилась.

Но сейчас я думаю, что моё согласие остаться на посту генсека было ошибкой. Партия, как показали дальнейшие события, оставалась консервативной силой, неспособной реформировать себя и участвовать в реформировании страны.

Не выдержали испытания демократией и некоторые члены руководства. На заседании Верховного Совета в июле 1991 г. премьер-министр Павлов при поддержке руководителей силовых ведомств потребовал предоставления кабинету министров чрезвычайных полномочий. (Я не присутствовал на этом заседании — был в Ново-Огарёво, где участвовал в обсуждении заключительных положений проекта Союзного договора). Пришлось вновь давать отпор «чрезвычайщине», а кроме того, стало ясно, что в новом руководстве, которое будет сформировано после подписания договора, Павлову, председателю КГБ Владимиру Крючкову, министру обороны Дмитрию Язову, председателю Верховного Совета Лукьянову будет уже не место.

Вот в такой острейшей обстановке шла подготовка проекта Союзного договора, борьба вокруг его принципиальных положений. В итоге сложных политических манёвров, дискуссий и столкновений противоборствующих сил удалось к исходу июля вплотную приблизиться к рациональному

решению коренных проблем, осложнявших ход перестройки. Подготовить тем самым необходимые предпосылки для преодоления возникшего кризиса.

Решающее значение имело, бесспорно, завершение 23 июля согласования текста Союзного договора. Были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддержали республики, готовность выполнять её положения выразили даже прибалты. Всё, что «сошлось» в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования.

«Несоответствие требованиям момента»

То, что мы делали в эти месяцы на внешней арене, было подчинено главной цели — закрепить переход в отношениях с ведущими мировыми державами от конфронтации к сотрудничеству и в перспективе к партнёрству, начать реальную интеграцию нашей страны в мировую экономику. Это был лейтмотив, объединявший центральные события внешнеполитической повестки дня 1991 г. — моё участие в совещании «семёрки» ведущих промышленно развитых стран в Лондоне и визит в СССР президента США Джорджа Буша.

К моменту, когда я встретился с лидерами «семёрки», мы были готовы к серьёзному разговору. Перестройка освободила нас от догм, мешавших признать: без частной собственности, экономической свободы, рыночных отношений не может быть современной, эффективной экономики. Пока у нас не утвердилась гласность, пока не исчез страх, наши политики и экономисты не решались даже произнести эти слова. Но уже в 1990 г. можно было

сказать: в обществе и среди экспертов сформировался консенсус о необходимости идти к рыночной экономике.

При встречах с представителями Запада осенью 1990 г. я постоянно подчёркивал: преодоление нашего экономического кризиса, реформа экономики — это наша задача, и никто не решит её за нас. Мы это понимаем. Но в успехе её должен быть заинтересован и Запад. Ведь создание в нашей огромной стране здоровой экономики отвечает его интересам. А значит, на самом остром, переломном этапе реформ мы вправе рассчитывать на встречные шаги со стороны наших партнёров. В ответ на это в высказываниях наших западных собеседников прямо или косвенно звучал мотив: реформа в СССР идёт недостаточно быстро, наша экономика всё ещё недостаточно «рыночна», а это сужает возможности встречного движения со стороны Запада.

Мы серьёзно готовились к встрече с «семёркой» в Лондоне. Весь июнь, действительно не покладая рук, работала группа по подготовке материалов и предложений для нашего участия в лондонской встрече. 8 июля результаты её работы были представлены в Ново-Огарёво руководителям республик. Обсуждение показало: между ними и президентом СССР достигнут уровень взаимопонимания, позволяющий ехать в Лондон с согласованной позицией. Все руководители республик, начиная с Ельцина, поддержали подготовленные в Ново-Огарёво документы и тезисы моего выступления в Лондоне.

Вот главная мысль этого выступления: «Наша концепция включения страны в мировую экономику исходит из необходимости радикальных перемен в СССР, но также и встречных шагов со стороны Запада (снятие законодательных и других ограничений на экономические и технические связи с СССР, участие СССР в международных экономических организациях и так далее)».

Разговор с лидерами стран Запада получился откровенный и серьёзный. Но большинство из них не проявили понимания значимости и масштабов

проблемы включения нашей страны в мировую экономику и необходимого для этого содействия. Достигнутые договорённости не отвечают требованиям момента, сказала мне на встрече в советском посольстве Маргарет Тэтчер, незадолго до этого ушедшая с поста премьер-министра Великобритании.

Впоследствии некоторые комментаторы высказывали такую мысль: если бы договорённости об экономической поддержке перестройки были более конкретными и обязывающими, путчисты, возможно, не решились бы на попытку переворота в августе. Однако в целом моя оценка того, что произошло на встрече с «семёркой», остаётся положительной. В Лондоне обозначился поворот огромного значения. Вслед за политической и военной сферой начался демонтаж барьеров на пути нашей интеграции в мировую экономику.

А в конце июля состоялся визит в СССР президента США Джорджа Буша. Оглядываясь назад, я думаю, что, если бы президент быстрее и решительнее пошёл по пути взаимодействия с нами, результаты, которыми был отмечен этот визит, могли бы быть достигнуты и раньше. Но всё же это не умаляет их значения. Был подписан договор о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Никогда — ни до, ни после этого, ни в абсолютных цифрах, ни в относительных значениях — не было столь масштабных сокращений ядерных арсеналов. Уже это делает советско-американский саммит 1991 г. историческим событием.

Совершенно по-новому прошли и наши беседы в узком составе о ключевых проблемах мировой политики и перспективах советско-американских отношений. Главной темой для меня в этих беседах была перспектива формирования новой системы всеобщей безопасности в русле совместно (впервые за всю историю) проводимой мировой политики в соответствии с новыми критериями, которые уже прошли некоторое испытание на прочность.

Сегодня я вспоминаю об этом визите президента США, последнем в Советский Союз, с некоторой горечью. Тогда мы не знали, что произойдёт всего через три недели.

Это был бы не Горбачёв

Два удара оказались фатальными для перестройки — организованная реакционными силами, в том числе из моего окружения, попытка государственного переворота в августе 1991 г. и декабрьский сговор руководителей России, Украины и Белоруссии, оборвавший многовековую историю нашего государства.

Путчисты проиграли в открытой политической борьбе, они знали, что в обновлённом Союзе места им не найдётся. Их утверждения, что ими двигали патриотические чувства, забота о сохранении союза — демагогия. Не скажу, что им была безразлична судьба государства. Но они отождествляли его с прежней системой и пошли на предательство в попытке сохранить её и своё положение в ней. Последствия их авантюры оказались катастрофическими для страны.

Здесь нет необходимости подробно рассказывать о событиях августа 1991 года. Я свою позицию никогда не менял, отвечаю за каждое слово, сказанное мною публично, в свидетельских показаниях по делу ГКЧП, в интервью и книгах. Это путчисты и те, кто их выгораживает, постоянно меняют свои «версии». И каждая их новая версия оказывается всё более лживой.

Три августовских дня были пережиты мною и моей семьёй на пределе человеческих возможностей. Но я сохранял присутствие духа и действовал. Я отверг ультиматум заговорщиков, требовавших объявить чрезвычайное положение, и записал на видеоплётку заявление о незаконности действий путчистов. Это и твёрдая позиция, занятая президентом России Борисом Ельциным, заявившем об антиконституционном характере ГКЧП, предопределило поражение путча.

Но попытка государственного переворота ослабила позиции президента СССР, сорвала процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами, подстегнула дезинтеграцию. Республики одна за другой приняли декларации независимости. Тем не менее я считал, что и в этих условиях нельзя сдаваться, продолжал борьбу за заключение союзного договора, понимая, насколько сложнее стала теперь эта задача. Вместе с руководителями республик нам удалось выработать заявление, с которым мы вышли на Съезд народных депутатов. В нём предлагалось всем желающим республикам подготовить и подписать договор о союзе суверенных государств, в котором каждое из них могло бы самостоятельно определять форму своего участия.

Шанс предотвратить дезинтеграцию был. После трудных, порой мучительных обсуждений мы пришли к формуле нового Союза: это будет конфедеративное союзное государство. В середине октября восемь республик подписали Договор об экономическом сообществе, начал действовать межреспубликанский экономический комитет. 14 ноября проект нового Союзного договора был вынесен на обсуждение Госсовета. После многочасового заседания мы вышли к прессе. Тогда Борис Ельцин сказал:

— Трудно сказать, какое число республик войдёт в Союз, но у меня твёрдое убеждение, что Союз будет.

Трудной проблемой было участие Украины. После путча в украинском обществе возобладало стремление к независимости. Но я был убеждён, что постепенно, путём переговоров можно будет найти форму участия и этого государства в новом Союзе. Как минимум — договориться о единых вооружённых силах и координации внешней политики. Уверен, в таком случае можно было бы избежать многого, что произошло потом и принесло людям много горя.

Ельцин не сдержал слова. Он и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому стремлению воцариться в Кремле. Лидеры России, Украины и Белоруссии решили судьбу Союза неправовым путём, вопреки воле народа,

выраженной на референдуме 17 марта, за спиной президента СССР, руководствуясь прежде всего стремлением «убрать Горбачёва». Это объединило радикалов, сепаратистов и коммунистов — депутатов Верховного Совета России, дружно проголосовавших за одобрение сговора, состоявшегося в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года. О последствиях не задумывались. Даже судьба вооружённых сил и ядерного оружия осталась подвешенной в воздухе: объединённые вооружённые силы СНГ быстро распались, а заявление о намерении «сохранять и поддерживать под объединённым командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием» оказалось пустым звуком. Скоропалительность и безответственность беловежских договорённостей удивила даже американцев.

А меня больше всего удивило, более того — потрясло — безразличие общественного мнения, не осудившего развал Союза. Люди не понимали, что теряют страну...

Мне до сих пор задают вопрос: вы уверены, что после Беловежского сговора сделали всё возможное, использовали все полномочия президента для сохранения Союза?

Мой ответ: да, я использовал все политические полномочия, все средства, кроме силовых. Пойти на применение силы, чтобы удержать власть — это уже был бы не Горбачёв.

И чем это могло бы кончиться? Расколом всего — армии, милиции, гражданским конфликтом, а возможно и гражданской войной. Этот путь был для меня закрыт.

Ценности перестройки

Распад Союза прервал перестройку, но он ни в коем случае не был, как до сих пор утверждают мои противники и люди, не разобравшиеся в сути той эпохи, её «конечным результатом». И вообще перестройку надо оценивать не по тому, что она смогла или не успела дать, а по масштабам того поворота,

которым она стала в многовековой истории России, по её позитивным последствиям для всего мира.

Меня часто спрашивают о том, как я оцениваю отдельные решения тех лет, что было верно, а что ошибочно.

Конечно, у нас были ошибки. О некоторых из них сказано выше. Надо было раньше приступить к реформированию партии, к децентрализации Союза, смелее реформировать экономику.

Но вот реальные результаты перестройки: прекращение холодной войны, беспрецедентные соглашения о ядерном разоружении, обретение людьми прав и свобод — свободы слова, собраний, вероисповедания, свободы выезда из страны, альтернативные выборы, многопартийность. И главное — мы довели процесс перемен до того рубежа, когда обратить его вспять стало невозможно.

Но путь России и других республик после срыва перестройки оказался трудным и неровным. Разрыв связей, необдуманные экономические решения, незрелость и отсутствие подлинного демократизма у пришедших к власти правителей привели к драматическим, а порой и трагическим последствиям. Критиковать перестройку, уличать её инициаторов во всех грехах, разрушать оказалось легко, создавать новое на самими же устроенных руинах — гораздо труднее.

Я предупреждал, к каким последствиям может привести радикализм и безответственность, царившие в России в 1990-е годы. И эти предостережения подтвердились. Ущерб был нанесён не только экономике, но и демократическим институтам.

Мы всё ещё далеки от целей, которые были поставлены в самом начале наших преобразований, — периодической сменяемости власти, создания надёжных механизмов, позволяющих людям реально влиять на принимаемые решения. Но всё-таки прошедшие десятилетия не были ни откатом назад, ни топтанием на месте. И все эти годы, оценивая происходящее порой критически, а нередко — позитивно, я призывал к сохранению идеалов и

ценностей перестройки. Это те ориентиры, без которых можно сбиться в пути.

Испытание историей

Понять перестройку, отстоять новое мышление — это взаимосвязанные задачи. Этому я подчинил свою деятельность после ухода с поста президента СССР.

Как сохранить то, что было достигнуто совместными усилиями? Мы покончили с холодной войной. Как сделать этот результат необратимым, не допустить возвращения к конфронтации? Как закрепить новый характер международных отношений, выйти на новую мировую политику? На эти вопросы нет простых ответов. «Конец истории», о котором поспешно объявили в начале 1990-х гг., не наступило. История, которая творится у нас на глазах, оказалась сложной, противоречивой, неожиданной и — надо признать — гораздо более тревожной, чем многие из нас ожидали. Причины этого сложны и неоднозначны, но не могу не сказать об ответственности тех, кто объявил себя победителями в холодной войне, присвоил себе «особые права» в мировой политике.

Я вспоминаю свой визит в США в 1992 году. Меня пригласили выступить в Конгрессе. С приветственными речами обратились ведущие американские политики, лидеры обеих палат конгресса. И содержание, и тональность их выступлений были конструктивными. Не было речи о «победе США в холодной войне». То же самое могу сказать о программных выступлениях президента Джорджа Буша и госсекретаря Бейкера в апреле 1992 г., о содержании разговора с ними в Белом доме.

Но на этой позиции американский политический истеблишмент не удержался. Не выдержали американские политики испытание историей, не оказались на высоте своей исторической ответственности. Вместо констатации общей победы над холодной войной решили объявить свою «победу в холодной войне». Несколько недель спустя триумфаторские

лозунги стали звучать в предвыборной кампании. Их подхватила пресса и самое удивительное — подхватили многие у нас в стране, причём с одобрением!

Тогда и произошёл тот срыв, тот поворот, который многое предопределил в последующем ходе мировых событий. В этом корень ошибок и провалов, которые подорвали фундамент новой мировой политики.

Триумфаторство — плохой советчик в политике. Помимо всего прочего оно аморально. Стремление соединить политику и мораль — один из ключевых принципов нового мышления.

Я убеждён, что преодолеть паралич политической воли, о котором сегодня говорят политики и представители гражданского общества, можно только на основе этического подхода.

Отношения государств в глобальном мире должны регулироваться не только нормами международного права, но и определёнными правилами поведения, основанными на принципах общечеловеческой морали. Эти «правила поведения» должны предусматривать сдержанность, учёт интересов всех сторон, консультации и посредничество при обострении обстановки и угрозе кризиса. Уверен: можно было бы избежать многих кризисов, если бы их непосредственные участники и особенно внешние стороны руководствовались такими правилами поведения.

И, наконец, главное, о чём я не устану напоминать, отстаивая новое мышление. Это его антиядерная, антимилитаристская направленность.

Пока существует ядерное оружие, существует опасность ядерной войны. Это как ружьё на стене в первом действии пьесы, о котором писал Чехов: когда-нибудь оно выстрелит. Принцип недопустимости ядерной войны, провозглашённый в 1985 г. мной совместно с президентом Рональдом Рейганом, означает только одно: не может быть иной конечной цели, кроме ликвидации ядерного оружия. Но разговоры о мире без ядерного оружия — а все страны, в том числе США, продолжают на словах поддерживать эту цель

— останутся пустым звуком, если не преодолеть нынешнюю милитаризацию мировой политики и политического мышления.

Напомню о ещё одном положении совместного советско-американского заявления, принятого на женеvском саммите в 1985 г.: стороны не будут стремиться к военному превосходству. Сегодня оно особенно актуально. Представим себе, что через десять-пятнадцать лет мир избавится от ядерного оружия. Что останется? Горы обычных вооружений, среди них новейшие типы, нередко по мощности сопоставимые с оружием массового уничтожения. И львиная доля их — в руках одной страны, США, получающей таким образом подавляющий перевес на мировой арене. Такое положение перекроет путь к ядерному разоружению.

Связь времён

В наше время ни один вызов, ни одна угроза, с которыми столкнулось человечество в новом тысячелетии, не имеют военного решения. И ни одна крупная проблема не может быть решена усилиями одной страны или даже группы стран.

На выходе из холодной войны мировое сообщество сформулировало конкретные задачи, которые унаследовало следующее поколение мировых лидеров. Это ликвидация оружия массового уничтожения, преодоление массовой нищеты в странах «третьего мира», обеспечение всех людей равными возможностями в сфере образования и здравоохранения, преодоление деградации окружающей среды. На своих сессиях и конференциях Организация Объединённых Наций вынуждена была констатировать, что прогресс в решении этих задач — недостаточный.

Эта констатация — не вердикт нынешнему поколению лидеров. Но она должна заставить их серьёзно переоценить свои политические установки, осмыслить опыт предшественников, которым пришлось иметь дело с ещё более опасными вызовами. Этот опыт никому не перечеркнуть.

Надеюсь, что моё напоминание о целях и ценностях перестройки и нового мышления поможет читателям в осмыслении дня сегодняшнего. Я хочу, чтобы сохранялась связь времён, чтобы не прерывался диалог между прошлым и настоящим. Знать правду о прошлом и извлекать уроки на будущее — в меняющемся мире это необходимо всем нам.